

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Земледелие являлось одной из важнейших отраслей хозяйства племен именьковской культуры. Оно основывалось на обработке аллювиальных почв надпойменных террас и водораздельных черноземов. Основными орудиями обработки почвы были рала с железными наральниками, урожай убирался железными серпами и обрабатывался при помощи ручных ротационных мельниц, что позволяет отнести именьковские племена к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев. Истоки хозяйственных традиций населения Среднего Поволжья IV-VII вв. восходят к провинциально-римской культуре, а ближайшие аналогии орудиям труда обнаруживаются в черняховской культуре первой половины I тысячелетия н.э.

Ключевые слова: именьковская культура, черняховская культура, земледелие, хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев, железные наральники, железные серпы, ручные ротационные мельницы

Именьковская культура является одним из крупнейших этнокультурных образований Среднего Поволжья I тысячелетия н.э. Исследование именьковских памятников имеет более чем полувековую историю. Материалы первых раскопок уже позволяли предполагать, что в хозяйстве племен именьковской культуры применялось пашенное земледелие.

Одной из первых работ, посвященных изучению земледелия именьковских племен, стала статья П.Д. Степанова «К вопросу о земледелии у древней мордвы» [42], в которой впервые ставился вопрос о времени появления пашенного земледелия в регионе. Несколько позднее проблемы характера земледелия в добулгарскую эпоху коснулся А.В. Кирьянов [12]. Вопросы развития земледелия в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. затрагивал Ю.А. Краснов в фундаментальном труде «Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы» [20]. Серьезным шагом в изучении рассматриваемой проблемы стало появление Свода археологических источников, в котором П.Н. Старостин обоб-

* © Вязов Л.А., 2008

Вязов Леонид Александрович — кафедра документоведения Самарского государственного университета

шил средневожские материалы IV-VII вв. [41]. Наконец, еще одним обобщением материалов именьковской культуры стала монография Г.И. Матвеевой, вышедшая сравнительно недавно [26]. В этих фундаментальных работах земледелие рассматривалось как одна из отраслей хозяйства именьковского населения, но отдельное внимание этому вопросу не уделялось. Новых специальных исследований земледелия на протяжении второй половины 1970-2000-х гг. также не проводилось. Между тем все эти годы непрерывно накапливался источниковый материал, появились новые подходы и методы исследования земледельческих традиций, совершенствовались представления об общем ходе хозяйственного развития населения Восточной Европы I тыс. н.э, совершенствования орудий труда, характере миграций и культурных влияний. В связи с этим представляется актуальным обращение к изучению земледелия именьковской культуры с учетом накопленной к настоящему времени источниковой базы. Целью настоящей статьи, таким образом, являются определение и характеристика уровня развития земледелия племен именьковской культуры на основании известных на данный момент археологических источников.

Термином «земледелие» принято определять одну из отраслей производящего хозяйства, которая включает в себя циклически (ежегодно) повторяющуюся последовательность нескольких самостоятельных, но неразрывно связанных между собой видов деятельности: подготовку почвы, посев, уборку урожая, его хранение и переработку в пригодные для непосредственного употребления продукты – крупы и муку. Содержание каждой из стадий зависит от ландшафтно-географических, климатических и почвенных условий, с одной стороны, уровня развития орудий труда и имеющихся у производителей навыков и традиций – с другой. Характеристика земледелия в целом, таким образом, может быть сведена к последовательному определению содержания каждой из стадий.

Прежде всего следует обратить внимание на систему расселения носителей именьковской культуры, ландшафтно-географические и почвенные условия расположения именьковских поселений.

На севере область распространения именьковской культуры достигает южной границы лесной зоны, охватывает всю лесостепь Среднего Поволжья от среднего течения р. Суры на западе до Икско-Бельского междуречья на востоке. Южная группа именьковских памятников расположена на территории Самарской Луки, то есть на пограничье лесостепи и степи. На всей территории ареала рельеф характеризуется как увалистый либо возвышенно-увалистый. Климатические условия умеренно-континентальные с коэффициентом континентальности от 175 до 187 ед. Сумма температур воздуха выше 10°С составляет для западной части территории распространения культуры 22 – 27°С, для основной части – 20 – 24°С. Отношение количества выпадающих на территории осадков к испаряемости определяется коэффициентом от 0,77 до 1 [35]. В IV-VII вв. климатические условия Среднего Поволжья отличались от современных большей степенью увлажненности территории распространения именьковских древностей, что должно было благоприятно от-

ражаться на сельскохозяйственном хозяйстве [7; 37; 49. С. 180-189]. Современный индекс биологической продуктивности этих областей выше средней по СНГ отметки и составляет от 111 до 125% от среднего. (Для сравнения, наиболее плодородные области СНГ находятся в Предкавказье и на Украине и имеют соответствующие индексы 147 и 141% соответственно) [35].

Ландшафтно-географическими условиями расположения большинства известных поселений именьковской культуры являлись площадки первой надпойменной террасы, меньшая часть памятников открыта на территориях речных водоразделов. Поселения именьковских племен расположены группами-«гнездами», каждая из которых состоит, как правило, из центрального, крупного селища, окруженного несколькими меньшими по размерам (до 6-ти штук). Во многих случаях в состав группы именьковских памятников входят также одно – два городища. Характеристика взаиморасположения памятников внутри «гнезда» может быть получена на основании анализа группы памятников у с. Ташкирмень Лаишеского р-на республики Татарстан [41]. Еще один пример анализа микрорегиона расселения племен именьковской культуры можно получить на основе изучения подгорной части Самарской Луки [6]. Как правило, поселения внутри групп находятся на расстоянии нескольких сотен метров одно от другого. Формирование гнезд, скорее всего, происходило путем образования новых селищ за пределами находящейся в хозяйственном освоении территории в результате разрастания «материнской» общины. Численность населения одного такого гнезда могла составлять несколько десятков семей. Даже самые крупные селища вряд ли насчитывали более двадцати семей одновременно.

Характеристика любой хозяйственной системы невозможна без анализа той ресурсной базы, на которой эта система основывается. Для сельскохозяйственного хозяйства наиболее важными материальными ресурсами являются, безусловно, почвы. Ресурсную базу именьковского земледелия составляли земли, находящиеся в непосредственной близости от поселения. На основании топографии расположения именьковских поселений можно предположить, что наиболее привлекательными с точки зрения хозяйственного освоения для именьковцев были земли первой надпойменной террасы и в меньшей степени водораздельные черноземы. Наложение карты распространения памятников Среднего Поволжья середины I тысячелетия н.э. на почвенную карту показывает, что именьковское население стремилось расселяться на границе аллювиальных и черноземных почв, обеспечивая себе возможности использования как тех, так и других [34].

Таким образом, охарактеризовав общие условия сельскохозяйственного производства, можно перейти к анализу его отдельных стадий. Первой из них является подготовка почвы к посеву, которая в литературе получила общепризнанное, хотя и не совсем точное название «системы земледелия».

Судя по целому ряду косвенных данных, господствующей системой земледелия являлся перелог. Об этом свидетельствуют данные палео-

почвоведческих анализов, проводившихся в окрестностях именьковских поселений Самарской Луки [31]. Об этом же свидетельствуют находки семян сорных растений, отмеченные исследователями на всех памятниках, где проводились соответствующие определения [12; 21; 47]. Степень засоренности, достигающая 20–25% (как это отмечено В.В. Туганаевым на городище Ош-Пандо), не может соответствовать подсеке и однозначно свидетельствует в пользу обработки старопахотных земель. С другой стороны, малочисленность находок ржи и отсутствие достоверных доказательств разведения озимых культур вообще не позволяют думать о существовании у именьковских племен паровой системы. Конечно, господство перелога не означает, что подсека совершенно не употреблялась. Находки значительного количества железных топоров и наличие обширных залесенных пространств в непосредственной близости от именьковских памятников делают очень вероятным употребление этого метода. На территории Среднего Поволжья подсека употреблялась и в позднем средневековье, и даже в конце XIX в. [48. С. 24.] В последнее время получены свидетельства исключительной эффективности подсекаемого земледелия, которое позволяло получать на определенных участках урожай в десятки раз выше, чем на старопахотных землях [38]. Тем не менее, подсека как доминирующая система земледелия не позволяла прокормиться коллективам, превышающим численность в 100–150 человек [15], в силу ограниченности пригодных для высокоэффективного земледелия участков леса. Именно этот факт в первую очередь обусловил господство в именьковском хозяйстве пашенного земледелия, основанного на перелогe.

Археологически засвидетельствованы детали орудий середины I тысячелетия н.э., представленные наральниками и мотыгами. Для характеристики земледельческих традиций наибольший интерес представляют, безусловно, первые. К настоящему времени на территории Среднего Поволжья известно 16 экземпляров железных наконечников рал длиной от 9,1 до 15,8 см при ширине лезвия от 5,2 до 7,1 см [9; 14]. Все они достаточно однотипны по форме. Характерными конструктивными чертами наральников именьковской культуры являются плавно расширяющаяся по направлению к тыльной части овальная в сечении втулка, небольшие плечики при переходе от втулки к лезвию, наличие утолщения в центре лезвия, прямое или слегка изогнутое вовнутрь продольное сечение орудия. Типологической особенностью является, кроме того, отсутствие разреза полотна наральника в месте перехода от лезвия к втулке. По типологии Ю.А. Краснова наральники именьковской культуры относятся к типу IБ1, характеризующемуся небольшими размерами, слабо выраженными плечиками и отношением длины наральника к его ширине, колеблющегося около соотношения 2:1 [17; 19]. Данные металлографического анализа показывают, что при изготовлении наконечников пахотных орудий использовались наиболее сложные из известных именьковским кузнецам технологии [40].

Несмотря на всю сложность реконструкции самого орудия по единственной дошедшей до нас детали, можно предположить, что описан-

ные наральники использовались на грядильных кривогрядильных однозубых ралах с полозом. Такие рала известны по находкам в торфяниках [52; 53], изображениям [8] и этнографическому материалу [16. С. 108-138.]. Процесс пахоты таким ралом приводил к появлению неглубоких (до 10 см) борозд. Для сплошной обработки почвы требовалось неоднократная вспашка. Небольшие размеры наральников не позволяют предположить возможность оборота пласта, а незначительная асимметрия, наблюдающаяся на многих экземплярах, скорее всего, является непреднамеренной [18].

Судя по остеологическим материалам, именьковское население использовало в качестве тягловых орудий волов, хотя находки их костей единичны [32. С. 48; 33. С. 202-203]. Малочисленность костяных остатков этих животных объясняется тем, что их содержание было обременительным даже для крестьянских хозяйств конца XIX – начала XX вв. [11. С. 128-129].

Размеры обрабатываемых участков сложно восстановить на археологическом материале. На основании анализа расположения поселений и экспериментальных данных можно предположить, что одна семья (одно рало) использовала под посев около 10 га земли [6; 50. С. 13].

На поселениях именьковской культуры неоднократно встречены зерна культурных растений. На основе этих находок были проведены определения состава культурных растений, возделывавшихся именьковским населением [10; 21; 47; 43. С.83.]. К их числу относятся полба, мягкая пшеница, ячмень, рожь, горох, просо. На селище Ош-Пандо-Нерь подавляющее большинство находок зерен культурных злаков (81%) составляло просо. Оно же составляло значительный процент находок на городище Ош-Пандо, на котором большинство остатков культурных злаков принадлежало ячменю. На селище Девичий городок 63% определенных зерен относятся к полбе. На поселении Шолом определены зерна ячменя, полбы, овса, ржи и гороха [12]. Из них наиболее значительный процент приходится на ячмень, далее следуют полба, затем просо. Находки гороха, ржи и овса представлены единичными зёрнами.

Таким образом, на всей территории именьковской культуры наблюдается единообразный набор выращивавшихся культурных растений. Различия в процентном соотношении видов культурных злаков, обнаруженных на памятниках, обусловлены, прежде всего, неполнотой дошедшего доисторического материала, а также, возможно, региональной спецификой [13].

Уборка урожая осуществлялась при помощи серпов, хорошо известных в поселенческих материалах. Серпы или их обломки найдены почти на всех раскапывавшихся памятниках, значительная часть происходит из сборов с поверхности. Всего известно не менее пятидесяти экземпляров этих орудий, слабо различающихся между собой. Все они имеют единообразный способ крепления при помощи «пятки», загнутой перпендикулярно плоскости лезвия. Изгиб клинков незначительный, угол резания достигает 30° в первой трети серпа, ближайшей к рукояти, затем снижается до 10° . Кончик серпа, судя по сохранившимся

материалам, уплощен и несколько отогнут во внешнюю сторону. Во многих случаях лезвие серпа имеет зазубрины, образованные, как правило, насечками. По классификации Р.С. Минасяна такие серпы относятся к 1 подгруппе II группы [29]. Незначительные отличия наблюдаются в степени изогнутости клинка и месте расположения точки наибольшего изгиба. Можно выделить серпы, имеющие плавно изгибающееся лезвие, серпы с практически прямым лезвием и резким изгибом в месте перехода к рукояти и, наконец, серпы с относительно резким изгибом в первой трети клинка и плавно изгибающимся лезвием. Экспериментальные исследования показали высокую эффективность и эргономичность серпов именьковской культуры за счет использования при работе движений режуще-скользящего типа [39]. Небольшие размеры именьковских серпов свидетельствуют, скорее всего, о незначительных объемах собиравшегося урожая.

Для хранения выращенного зерна именьковское население пользовалось ямами-зернохранилищами грушевидной либо цилиндрической формы. На поселениях такие ямы располагались в непосредственной близости от жилищ, составляя с ними единый жилищно-хозяйственный комплекс [5; 23; 24]. Средний объем ямы достигал $1,5 \text{ м}^3$ и позволял хранить запасы зерна, достаточные для пропитания одной семьи в течение года [6].

В зависимости от хозяйственных потребностей зерно обрабатывалось различным образом. Большая часть зерна, несомненно, подвергалась помолу при помощи ручных ротационных мельниц, жернова от которых обнаружены в культурном слое и заполнении жилищ именьковских памятников. Диаметр жерновов колеблется от 30 до 50 см, толщина от 8 до 15 см. Большая часть жерновов имеет плоскую поверхность. Как верхние, так и нижние жернова имеют в центре круглое отверстие диаметром 4 – 8 см. П.Н. Старостин указывает на наличие жерновов с выпуклой и вогнутой поверхностью. Ему также известны обломки со следами отверстий для рукояти [26; 41. С. 9-10]. По-видимому, большую часть именьковских жерновов следует относить к I группе по классификации Р.С. Минасяна [28], однако, высокая степень фрагментированности материала и невнимание исследователей к мукомольным орудиям не позволяют утверждать это с достаточной степенью точности.

Обстоятельства находок именьковских орудий земледельческого труда позволяют сделать ряд предварительных выводов об организации производства в этой отрасли хозяйства. Большая часть производственного цикла, связанного с уборкой урожая и обработкой продукции, осуществлялась силами отдельной малой семьи, о чем свидетельствуют находки жерновов *in situ* на дне жилищ, концентрация вокруг жилищ ям-кладовок, отсутствие на поселениях общественных зернохранилищ. Сложнее реконструировать организацию собственно пахотного процесса. Обстоятельства находок наральников [25. С. 12-13] и этнографические данные [11] позволяют предположить, что собственными пахотными орудиями и тягловыми животными обладало далеко не каждое домохозяйство. Процесс пахоты, таким образом, осуществлялся в результате раз-

личных форм кооперации. Решение вопроса о формах землевладения и землепользования на имеющемся материале не представляется возможным.

Земледелие играло значительную роль в хозяйственной системе именьковского населения. Об этом свидетельствуют расположение поселений в благоприятных почвенных условиях, относительно развитый набор земледельческих орудий, многочисленность их находок на памятниках именьковской культуры. Так, для сравнения, с памятников I тыс. н.э., расположенных на территории современной Польши, происходит в общей сложности немногим более 20 экземпляров наральников [3. С. 320, 324], с территории, занятой черняховской культурой, — около 40 [1], на гораздо более удаленных от центров античной земледельческой культуры территориях Среднего Поволжья, занятых именьковской культурой, количество находок наральников составляет 16 экземпляров. Косвенным свидетельством высокой роли земледелия является наличие на именьковских памятниках ритуальных глиняных «хлебцев», находящих аналогии в черняховской и культурах Прикарпатья и Подунавья VI — VII вв. н.э. [4].

Истоки земледельческих традиций именьковской культуры следует искать среди культур полей погребений первой половины I тыс. н.э. Аналогии именьковским наральникам обнаруживаются на поселениях черняховской культуры. Типологически наиболее близкие наконечники происходят с поселений Кринички [45], Глинск [22. С. 282] и Загайканы [35]. Происхождение этих наральников связывается с провинциально-римским миром, где их появление датируется III в. н.э. [2. С. 147]. Использование железных наконечников позволило черняховскому населению ввести в земледельческий оборот ранее недоступные для обработки плодородные почвы водоразделов рек [51]. Традиция изготовления железных наральников в III — IV вв. н.э. проникает и в Киевскую культуру, возможно, не без участия черняховского влияния [46. С. 61]. Вероятно, распространение этого типа орудий в Среднем Поволжье происходит как раз с появлением здесь киевского населения. Аналогичным путем распространяются в Среднем Поволжье и другие важнейшие орудия земледельческого производства, серпы и жернова. Характерно, что наибольшую близость к именьковским обнаруживают серпы колочинской культуры [44], сформировавшиеся на основе киевской культуры во второй четверти V в. н.э. [30]. Истоки же происхождения этого типа серпов можно видеть в древностях милоградской культуры I тысячелетия до н.э. [27. С. 59-61].

В заключение можно попытаться определить уровень развития земледелия именьковской культуры. Археологические данные свидетельствуют о принадлежности именьковского населения к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев, для которых характерны расположение поселений на наиболее плодородных территориях, наличие упряжных пахотных орудий, специализированных орудий уборки и переработки урожая. Относительно других культур Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. земледельческие традиции именьковской куль-

туры можно охарактеризовать как одни из самых развитых. Наличие у именьковских племен пахотных орудий, снабженных железными наконечниками, железных серпов и ручных ротационных мельниц, причем представленных не единичными находками, а довольно значительными сериями, сближает именьковскую культуру с черняховской. Однако, в отличие от носителей черняховской культуры, население Среднего Поволжья IV – VII вв. н.э. не знало использования плужного ножа, в меньшей степени разрабатывало плодородные почвы, отдавая предпочтение поймам и надпойменным террасам. Тем не менее, богатый ассортимент земледельческих орудий ставит именьковскую культуру в положение одного из центров распространения пашенного земледелия середины I тысячелетия н.э. Такая ситуация сохраняется вплоть до начала славянского освоения Восточно-Европейской равнины в VI в. н.э., когда на территории Восточной Европы появляются значительно более эффективные широколопастные наральники и черешковые серпы, происходящие из Придунайско-Балканских областей [29]. Средневожский регион вновь становится центром распространения земледельческих традиций только с образованием Волжско-Болгарского государства в X в. н.э.

Библиографический список

1. Ionita, I. Romische Einflüsse im Verbreitungsgebiet der Sintana-de Mures-Cernjachov-Kultur / I.Ionita // *Archeologia Moldovei*. – 1994. – №17.
2. *Materialy Starozytne*. Т. VI. – Warszawa, 1960.
3. *Pozny okres latenski i okres rzymski* // *Prahistoria ziem Polskich*. Т. V. – Wrocław-Warszawa-Krakow-Gdansk, 1981.
4. Stanciu, I. “Tonbrote” als Indiz für die Wanderung und die magisch-rituellen Glabuen und Praktiken der fruhen Slawen / I.Staciu // *Sanctuaria i kult*. Т. 5. – Lodz, 2001. – S. 123-154.
5. Вязов, Л.А. Жилищно-хозяйственные комплексы Старо-Майнского городища / Л.А.Вязов // *Урало-Поволжская археология в работах студентов*. – Волгоград, 2000. – С. 48-49.
6. Вязов, Л.А. Система расселения племен именьковской культуры в подгорной части Самарской Луки / Л.А. Вязов // *Самарский край в истории России*. – Вып. 3. – Самара, 2007. – С. 55-69.
7. Почвенные критерии оценки комфортности среды обитания ранних кочевников степей Волго-Уралья: палеоэкологические кризисы и оптимумы / В.А. Демкин, В.А.Сергацков, Т.С.Демкина, А.О.Алексеев [и др.] // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. – Вып. 1. – Самара, 2000. – С. 7-11.
8. Дубынин, А.Ф. Троицкое городище Подмосковья / А.Ф.Дубынин // *Советская археология*. – 1964. – №1. – С. 178-198.
9. Казаков, Е.П. Новые материалы II-III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье / Е.П.Казаков // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. – Куйбышев, 1986. – С. 123, 127.
10. Казаков, Е.П. Исследование селища «Девичий городок» / Е.П.Казаков, Р.Г.Иванова // *Из археологии Поволжья и Приуралья*. – Казань, 2003. – С. 97-102.

11. Калоев, Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа / Б.А.Калоев. — М., 1981.
12. Кириянов, А.В. К вопросу о раннеболгарском земледелии / А.В.Кириянов // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1958. — №61. — С. 282-291.
13. Клейн, Л.С. Принципы археологии / Л.С.Клейн. — СПб., 2001.
14. Кляшторный, С. Пращлавянские племена в Поволжье / С.Кляшторный, П.Н.Старостин // История татар. Т. I. — Казань, 2002. — С. 212.
15. Конечский, В.Я. Этнические процессы второй половины I тысячелетия н.э. на северо-западе в контексте истории хозяйства / В.Я.Конечский // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 1998. — С. 3-14.
16. Краснов, Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия / Ю.А.Краснов. — М., 1975.
17. Краснов, Ю.А. Древние и средневековые рала Восточной Европы / Ю.А. Краснов // Советская археология. — 1982. — №3. — С. 63-80.
18. Краснов, Ю.А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры / Ю.А.Краснов // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 128. — М., 1971. — С. 3-11.
19. Краснов, Ю.А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) / Ю.А.Краснов // Советская археология. — 1978. — №4. — С. 98-113.
20. Краснов, Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А.Краснов. — М., 1971.
21. Лебедева, Е.Ю. Заключение о палеоботаническом исследовании образцов с поселения Ош-Пандо-Нерь / Е.Ю.Лебедева // Отчет В.А. Скарбовенко об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 2 у с. Шелехметь Волжского района Самарской области. — Самара, 1995.
22. Магомедов, Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б.В.Магомедов. — Lublin, 2001.
23. Матвеева, Г.И. Жилищно-хозяйственный комплекс Старо-майнского городища / Г.И.Матвеева // Современные проблемы археологии России. Т. 2. — Новосибирск, 2006. — С. 157-159.
24. Матвеева, Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища / Г.И.Матвеева // Археологические исследования в Поволжье. — Самара, 1993. — С. 156-182.
25. Матвеева, Г.И. Отчет о раскопках Старо-майнского городища в 1991 г. / Г.И.Матвеева. — Самара, 1991.
26. Матвеева, Г.И. Среднее Поволжье в IV — VII вв. н.э. Именьковская культура / Г.И.Матвеева. — Самара, 2003.
27. Мельниковская, О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О.Н.Мельниковская. — М., 1967.
28. Минасян, Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) / Р.С.Минасян // Советская археология. — 1978. — №3. — С. 101-111.
29. Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С.Минасян // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 19. — Л., 1978. — С. 75-85.
30. Обломский, А.М. Формирование колочинской и пеньковской культуры / А.М.Обломский // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). — М., 2007. — С. 28-30.

31. Офман, Г.Ю. Пономаренко, С.В. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху Средневековья / Г.Ю.Офман, Е.В.Пономаренко, С.В.Пономаренко // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. — Самара, 1996.
32. Петренко, А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья / А.Г.Петренко. — М., 1984.
33. Петренко, А.Г. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э. / А.Г.Петренко // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: матер. II межд. археол. конфер. — Самара, 1998.
34. Почвенная карта РСФСР. — М., 1988.
35. Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР. — М., 1984.
36. Рикман, Э.А. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа / Э.А.Рикман // Краткие сообщения института истории материальной культуры. — 1959. — Вып. 77. — С. 116.
37. Рихтер, В.Г. Новые данные о древних береговых линиях на дне Каспийского моря / В.Г.Рихтер // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1954. — №5. — С. 57-63.
38. Самойлов, К.Г. Еще раз о восстановлении палеоэкономики культуры длинных курганов / К.Г.Самойлов // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 1998. — С. 10-14.
39. Семькин, Ю.А. К истории развития орудий уборки урожая у населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (по результатам экспериментальных данных) / Ю.А.Семькин // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Вып. 2. — Самара, 2004. — С. 364-372.
40. Семькин, Ю.А. Металлургия железа и кузнечное производство населения Левобережья Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху раннего средневековья / Ю.А.Семькин // Самарский край в истории России. — Вып. 3. — Самара, 2007. — С. 76-83.
41. Старостин, П.Н. Памятники именьковской культуры / П.Н.Старостин. — М., 1967.
42. Степанов, П.Д. К вопросу о земледелии у древней мордвы / П.Д.Степанов // Советская этнография. — 1950. — №3. — С. 84-98.
43. Степанов, П.Д. Ош-Пандо / П.Д.Степанов. — Саранск, 1967.
44. Сымонович, Э.А. Городище Колочин I на Гомельщине / Э.А.Сымонович // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1963. — №108. — С. 134.
45. Сымонович, Э.А. Памятники черняховской культуры в с. Кринички (по материалам С.С. Гамченко и раскопкам 1957-1958 гг.) / Э.А.Сымонович // Черняховская культура. Материалы и исследования по археологии СССР. — 1960. — №82. — С. 243.
46. Терпиловский, Р.В. Ранние славяне Подесенья III — V вв. / Р.В.Терпиловский. — Киев, 1984.
47. Туганаев, В.В. Состав культурных и сорных растений в археологических материалах городища Ош-Пандо близ с. Сайнино Мордовской АССР (VI — IX вв. н.э.) / В.В.Туганаев // Ботанический журнал. — 1973. — Т.58. — №4. — С. 581-582.
48. Халиков, Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала / Н.А.Халиков. — Казань, 1995.
49. Хотинский, Н.А. Голоцен Северной Евразии / Н.А.Хотинский. — М., 1977.

50. Шапиро, А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. / А.Л.Шапиро. – Л., 1977.

51. Шишкін, Р.Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами середнього подніпров'я) / Р.Г.Шишкін // Археологія. – 1999. – №4. – С. 129-139.

52. Шрамко, Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника / Б.А.Шрамко // Советская археология. – 1964. – №4. – С. 84-100.

53. Шрамко, Б.А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе / Б.А.Шрамко // Советская археология. – 1961. – №1. – С. 73-90.

L.A. Vyazov

AGRICULTURE OF IMENKOVO CULTURE TRIBES

Agriculture was one of the most important sectors of economy of Imenkovo culture tribes. It was based on cultivation of alluvial soils of floodplains and chernozem soils of watersheds. Ards with iron ploughshares were dominant tools for tillage, iron crescents were used for harvesting, hand mills were used for working up with crop. These factors shows, that Imenkovo culture tribes were arable farmers for their economy-cultural type. Sources of economy traditions of Middle-Volga inhabitants during IV-VII c. AD can be found in roman provincial culture. Nearest analogies of their tools occur in Cherniakhov culture of the I millennium AD.

Key words and phrases: Imenkovo culture, Cherniakhov culture, agriculture, arable farmers, iron ploughshares, iron crescents, hand mills.

Статья принята в окончательном варианте 27.08.08 г.